

Литвинко Михаил Васильевич**Litvinko Mikhail Vasilyevich**соискатель кафедры истории России
Кубанского государственного университетаPhD applicant, Russian History Department,
Kuban State University**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В СССР В ЗЕРКАЛЕ
ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ЦЕРКОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИТРОПОЛИТА ГУРИЯ ЕГОРОВА)****THE STATE POWER
AND THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN THE USSR
IN THE REFLECTION OF PERSONAL
HISTORY (BY CASE STUDY OF
SOCIAL AND CHURCH ACTIVITIES OF
METROPOLITAN GURIY EGOROV)****Аннотация:**

Статья посвящена персональной истории митрополита Гурия в контексте церковно-государственных отношений в СССР. Автор приходит к выводу, что персональные тексты обнаруживают трезвость мысли и реализм, четкую оценку той эпохи, в которой жил и действовал Гурий Егоров. Сотканная из общего и особенного, уникального и типичного, персональная биография митрополита помогает глубже погрузиться в психологию взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви.

Ключевые слова:

церковно-государственные отношения, персональная история, епархия, уполномоченный по делам Церкви, митрополит Гурий Егоров.

Summary:

The article is devoted to the personal history of metropolitan Guriy in the context of church-state relations in the USSR. The author concludes that personal texts reveal soberness of thought and realism, a clear assessment of the era in which Guriy Egorov lived and acted. A personal biography of the metropolitan combines general and special, unique and typical. It helps to delve deeply into the psychology of relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church.

Keywords:

church-state relations, personal history, diocese, Commissioner for the Church Affairs, Guriy Egorov.

Деятельность Русской православной церкви всегда соответствовала идее служения российской государственности вне зависимости от той или иной формы политического устройства государства. В настоящее время, когда проблема поиска принципов взаимоотношений между Церковью и властью в Российской Федерации остается весьма значимой, нельзя не учитывать исторические уроки церковно-государственных отношений. Особенно непростыми они были в советский период, когда государство официально придерживалось атеистической идеологии, а Церковь долгое время воспринималась как антисоветская организация [1, с. 4]. При этом актуальной проблемой выступает поворот к конкретным персоналиям, ответственным за состояние церковно-государственных отношений. Если долгое время в светской историографии такие аспекты, как личный интерес, индивидуальный выбор и инициатива конкретного церковного деятеля, оставались за кадром, то сегодня для ответа на вопрос, каким образом политика советской власти и деятельность церковных структур определяли эти взаимоотношения (а тем самым и весь ход событий, их последствия), необходимо провести анализ индивидуальных сознания, опыта и деятельности [2, с. 264–265]. Осознание того, что реконструкция жизни и судьбы исторического индивида, изучение всех сохранившихся «следов» его деятельности следует рассматривать «и как цель исследования, и как средство познания той исторической среды, в которой он жил и действовал, радовался и страдал», постепенно проникает и в современную историческую науку. Основным объектом при этом являются персональные тексты, а предметом исследования – история жизни во всей уникальности и полноте. В статье этот подход представлен на примере деятельности митрополита Гурия.

Митрополит Гурий (в миру Вячеслав Михайлович Егоров) родился 1 (14) июля 1891 г. в городке Опеченский Посад Боровичского уезда Новгородской губернии [3, л. 47], происходил из петербургских мещан. В 1911 г. Вячеслав Егоров окончил Петровское коммерческое училище [4], осенью 1912 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию [5, с. 36–37]. В 1914 г. началась Первая мировая война. Будущий владыка решил, что не может оставаться в стенах академии, и отправился на фронт в качестве брата милосердия [6, с. 118]. Несколько месяцев он провёл в окопах, выносил раненых и делал все возможное, чтобы спасти им жизнь. Но в феврале 1915 г. он заболел туберкулезом легких и демобилизовался. После выздоровления осенью 1915 г. он продолжил свои занятия в Академии, которую окончил в 1917 г. в звании кандидата богословия [7, л. 47]. По окончании учебного заведения и с принятием монашеского пострига отец Гурий вошел в число братии Свято-Троицкой Александро-Невской лавры.

Советская власть в своей церковной политике «изначально руководствовалась двумя основными постулатами: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношения к Церкви как стороннице эксплуататорского строя» [8, с. 5]. 19 января 1918 г. был совершен налет на лавру. Вот как это описывает А.И. Введенский: «Комиссаром в Александро-Невскую лавру был назначен Иловайский; он прибыл в сопровождении 17 красногвардейцев и матросов, чтобы арестовать митрополита Вениамина, потребовал дать им помещение и доставить описи лаврских помещений и имущества. <...> Ударили в набат в лаврских церквах, у Знаменья и в церкви Бориса и Глеба. Прибежало много народа, особенно женщин. <...> Была выведена новая банда с пулеметом. Я был свидетелем того, как эта банда солдат стреляла из пулемета в воздух, желая напугать народ. <...> Искали иеромонаха Гурия, который обезоруживал красногвардейцев» [9, с. 173–174]. Лавру отстояли, однако с этого момента начались первые «военные действия» между Церковью и государством.

Как отклик на призыв Всероссийского поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. к верующим защитить храмы и святыни в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых создаются новые братства из преданных Церкви людей, чаще всего на основе ранее существовавших приходских обществ и организаций. Одновременно с попыткой красногвардейцев силой захватить Александро-Невскую лавру патриарх Тихон выпускает в Москве послание, в котором говорится: «Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: встаньте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей» [10, с. 225].

Победив в Гражданской войне, большевики не пожелали в мирное время уживаться со своими идейными противниками, какими они более всего считали православных верующих. 23 февраля 1922 г. было объявлено об изъятии церковных ценностей якобы на нужды голодающих, и началось новое наступление на Церковь, о чем со всей откровенностью В.И. Ленин писал 19 марта в секретном письме членам Политбюро: «Данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий» [11, с. 281]. Широко запланированная провокация требовала, естественно, подавления любого возможного сопротивления, откуда бы оно ни исходило, и применения всех способов для максимального ослабления православной церкви.

Советская власть была недовольна тем, что в революционном Петрограде существовало достаточно много православных братств, которые вели обширную социальную деятельность, направленную на поддержание духовно-нравственных основ в населении города. Выполняя указание Москвы, местное ГПУ арестовало митрополита Вениамина. Отцы-основатели Лаврского братства – Иннокентий (Тихонов), Гурий (Егоров), а также активные его члены – Костецкая и Миллер тоже оказались за решеткой. Все руководители братства, кроме будущего митрополита Гурия (Егорова), погибли в 1936–1938 гг. Почти полностью было уничтожено и первое поколение молодых монахов, принявших постриг до 1932 г. После тюремного заключения архимандрит Гурий был послан к Ледовитому океану – в Усть-Цильму, близ реки Печоры. Через некоторое время он был переведен в Туркестан [12, с. 224].

В начале 1925 г. отец Гурий вернулся из ташкентской ссылки и был назначен настоятелем киновии Александро-Невской лавры [13, с. 200]. В период с 1925 по 1928 г. архимандрит Гурий занимал должность настоятеля Успенской церкви подворья Киево-Печерской лавры на набережной Невы, исполнял послушание благочинного монастыря Ленинградской епархии и снова стал одним из руководителей Александро-Невского братства.

24 декабря 1928 г. отец Гурий был арестован по делу религиозно-философского общества «Воскресенье» и приговорен Коллегией ОГПУ к пяти годам лагерей. Свой срок он отбывал в Беломоро-Балтийском лагере – в Кеми, на строительстве Беломорканала [14, с. 206]. К счастью для отца Гурия, понадобился человек, знающий бухгалтерию, поскольку счетное дело конторы было очень запутано. Здесь и пригодились его коммерческие знания. За короткий срок он привел в порядок бухгалтерские дела, и с тех пор его использовали на конторской работе как бухгалтера или кассира [15, с. 204]. После освобождения в октябре 1933 г. он перебрался в Среднюю Азию, приобрел дом в предместье Ферганы – Беш-Бале.

В ходе Великой Отечественной войны положение Церкви в стране стало меняться к лучшему. В 1944 г. в Ташкент прибыл архиепископ Куйбышевский Алексей (Палицын). Цель его поездки – принять в православие обновленческих священников. Архиепископ Алексей назначил Гурия настоятелем Покровского собора в Самарканде [16, с. 119] и неоднократно привлекал его в качестве свидетеля при принесении покаяния обновленческими священниками, а также обновленческим архиепископом Анатолием (Синицыным) [17, с. 241]. На Ташкентскую кафедру был назначен епископ Кирилл (Поспелов), который привлек отца Гурия в свой Епархиальный совет и поручил ему секретарскую работу. Архимандрит Гурий с радостью принял поручение и со свойственной ему сноровкой быстро навел порядок в делах, организовал правильную епархиальную канцелярию [18, л. 56].

В начале 1945 г. архимандриту Гурию пришел вызов из Москвы с назначением его заместителем Троице-Сергиевой лавры, готовившейся к открытию. Патриарх Алексий I вызвал архимандрита Гурия потому, что последний «хорошо был ему известен по своей деятельности в Александро-Невской лавре» [19, с. 97]. Первое богослужение в лавре состоялось на Пасху 1946 г. Венцом процесса открытия стал праздник Святой Троицы, богослужение которого возглавил Святейший патриарх Алексий I.

В начале августа 1946 г. пришло постановление Патриарха и Священного синода о назначении архимандрита Гурия епископом Ташкентским и Среднеазиатским. Владыка Гурий получил архиерейство в особое, послевоенное время, которое можно назвать церковным возрождением. Для служения в Ташкентской епархии владыка Гурий приглашал выдающихся людей из различных мест, например протоиерея (впоследствии архимандрита) Бориса (Холчева), окончившего историко-филологический факультет Московского университета, священника Сергея Никитина, врача-невропатолога (впоследствии епископа Стефана Никитина), блестящего практика-священника (впоследствии митрофорного протоиерея) Феодора Семеновича и многих других [20, с. 133]. Из обратившихся от обновленчества были протоиерей Алексей Микулин, бывший «митрополит Ферганский», и отец Григорий Брицкий.

Обстановку в Ташкентской епархии характеризуют первые отчеты, составленные епископом Гурием: «В 1948 г. состоялось с 10 по 12 августа совещание благочинных епархии в Ташкенте. На съезде я отметил успехи в развитии церковной жизни епархии за 2 года, со времени прошлого совещания благочинных (бывшего в 1946 г.). Эти успехи заключаются в увеличении числа действующих приходов (с 39 до 67), в значительном исправлении недостатков личной жизни духовенства, в приобретении прекрасного архиерейского дома и в организации при нем свечной, пошивочной и иконописной мастерских» [21, л. 14–15, 25].

Кроме того, стараниями владыки Гурия на территории епархии велись активные строительные и ремонтные работы в храмах и молитвенных домах [22, л. 7–8]. Все делалось для того, чтобы не упустить благодатное для становления и развития Православной церкви послевоенное время. В 1952 г. патриарх Алексий наградил епископа Гурия саном архиепископа [23, с. 31].

В январе 1953 г. совершенно неожиданно пришел указ Святейшего патриарха Алексия и Священного синода о том, что архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Гурий переводится на Саратовскую кафедру с титулом Саратовского и Сталинградского [24, с. 13]. Н.П. Гомолицкий вспоминал: «Народ очень любил владыку Гурия. Когда он получил новое назначение на Саратовскую кафедру, но еще совершал службу в Ташкенте, и когда протодиакон впервые произнес: “епископ Саратовский и Сталинградский”, в соборе раздался стон и плач» [25, с. 278].

В Саратовской епархии царил нездоровая атмосфера в среде духовенства, создававшая невыносимые условия для работы. Некоторые священнослужители оговаривали архиепископа Гурия, вели себя надменно, не подчинялись ему и старались склонить к этому остальных. Все попытки владыки Гурия решить сложившуюся ситуацию мирным путем не увенчались успехом. Это в итоге вынудило его обратиться с рапортом в Священный синод, в котором он просил о переводе [26, л. 65]. В 1954 г. архиепископа Гурия, согласно его прошению, перевели в Чернигов с титулом Черниговского и Нежинского [27, с. 3].

В Чернигове текла благодатная, не нарушаемая никакими конфликтами церковная жизнь. Там были прекрасный Преображенский собор (постройки XII в.), женский монастырь и другие не менее красивые церкви. После войны в Чернигов вернули мощи святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, которые до войны находились в Ленинграде в Исаакиевском соборе-музее. Используя благоприятную возможность, архиепископ Гурий развил активную церковную деятельность. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Черниговской области дает следующую характеристику личности владыки Гурия и его деятельности на Черниговской кафедре: «Архиепископ Гурий – человек большой эрудиции, всесторонне развит. Сам ведет каталог и следит за пополнением его как художественной, так и научной литературой. Систематически выписывает журналы и газеты. Всегда в курсе дел современных событий. В проповедях призывал верующих к любви к ближнему, любви к Отечеству. Духовенству разъяснял миролюбивую политику нашего правительства и роли церкви в этом вопросе патриарха и митрополита Николая Крутицкого. <...> Отзывы благочинных о Гурии такие: “Архиепископ Гурий тактичен, прост, внимателен и справедлив в обращении. Хороший духовник, умный человек”» [28, л. 12–14].

Но в октябре 1955 г. его переводят в Днепропетровск с титулом Днепропетровского и Запорожского [29, с. 3]. Здесь часть прихожан Днепропетровского кафедрального собора стала изощряться в доносах и клевете. Одна из жалоб, написанная на имя Председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова, имеет следующее содержание: «Два года творит незаконное это архиепископ Гурий. Нет сил терпеть и видеть эту старорежимную власть и силу... Теперь по всем церквам в городе священники польские, почему он не любит наших отечественных священников, наших, которые вместе завоевывали революцию, вместе освобождали родину от немецких оккупантов, он их всех загоняет в село» [30, л. 20–24 об.].

В отличие от ситуации в Саратовской епархии, в данном случае архиепископ Гурий счел вполне возможным противостоять подобным нападениям и переломить негативные тенденции, которые имели место в отношении его и его оживленной церковной деятельности. В то время Гурия стали активно подключать к работе Священного синода. Члены Священного синода во главе с патриархом весьма ценили организаторские и административные способности архиепископа Гурия.

В 1959 г. владыку Гурия переводят в Минск с возведением его в сан митрополита [31, с. 29]. По времени этот перевод совпал с новым витком жесточайших гонений на Церковь в Советском Союзе.

Важнейшим звеном начала атаки на религию оказалось секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В нем всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на «религиозные пережитки» советских людей. По тотальности намечаемых мер эта акция не имела прецедента. «В соответствии с указаниями ЦК и лично Н.С. Хрущева 16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: “О монастырях в СССР” и “О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей”» [32, с. 363].

Сильное негодование партийного руководства вызывал тот факт, что, несмотря на все антицерковные акции и атеистическую пропаганду, религиозная активность в СССР не снижалась. Так, в апреле 1960 г. Совет по делам Русской православной церкви извещал ЦК КПСС, что «по всей стране верующих присутствовало на пасхальных службах в целом больше, чем в прошлом году» [33, с. 79]. Ставка была сделана на дальнейшее усиление антирелигиозного натиска.

Если верить отчетам уполномоченных по делам Русской православной церкви, то религиозная жизнь в Белоруссии была крайне умеренной. По словам уполномоченного, наблюдалась тенденция к снижению религиозной активности. Иногда отчеты уполномоченных содержали комичные моменты: «В отдельных случаях придают пышность торжеств религиозным праздникам все еще имеющиеся факты, когда торговые организации в целях выполнения торгового плана организуют продажу вблизи церквей мороженого и прохладительных напитков. Как установлено личным наблюдением и в беседе с верующими и с активом сельсоветов, очень плохо ведется борьба с различного рода спекулятивными элементами, организующими продажу на религиозных праздниках у церквей различного рода кустарных кондитерских и хлебобулочных изделий. С ними не ведут надлежащей борьбы как органы милиции, так и санитарно-торговый надзор» [34, л. 244].

Митрополит Гурий проявлял большую активность в решении текущих вопросов епархии, особенно прошений и жалоб от верующих. При этом он не давал покоя и уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Белорусской ССР. В частности, он писал уполномоченному Семенову: «Считаю необходимым довести до Вашего сведения, что в соответствии с “Положением об управлении Русской православной церкви” при мне как епархиальном архиерее в качестве совещательного органа образован Епархиальный совет» [35, л. 152]. Или еще: «Настоящим считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что при Минском епархиальном управлении мною образована ревизионная комиссия» [36, л. 153]. Учреждая Епархиальный совет, владыка Гурий четко определил его функции, которые, по его словам, состоят в «подготовке к решению высокопреосвященнейшим митрополитом дел, которые будут направлены им для этой цели в Епархиальный совет» [37, л. 49]. Так постепенно владыка Гурий привнес епархиальные дела в надлежащий порядок.

В очередном письме к уполномоченному митрополит Гурий писал: «Препровождая при сем жалобу крестьян деревни Рожковка Каменецкого района Брестской области о имевшем якобы место 18 мая сего года (1959) прискорбном случае уничтожения в ночное время злонамеренными лицами при помощи трактора трех крестов в пределах названной деревни, со своей стороны прошу Вашего авторитетного содействия в том, чтобы в будущем такие действия не повторялись, если изложенное в жалобе соответствует действительности» [38, л. 181]. Владыка Гурий пересылал уполномоченному и другие жалобы и ходатайства со стороны верующих и духовенства.

На такие активные действия высокопреосвященнейшего Гурия по управлению своей епархией незамедлительно последовала реакция из Москвы от заместителя председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Чередняка: «Совет считает большой ошибкой, допущенной вами, выдачу разрешения на покупку причтового дома церковной общине с. Калиновка в то время, когда община не имела не только причтового дома, но и молитвенного дома. Товарищу Семенову Совет рекомендует принять меры к тому, чтобы митрополит Гурий не направлял в оба эти прихода новых священников» [39, л. 234].

На выпады атеистической власти митрополит Гурий всегда отвечал мудрыми действиями, где можно – сопротивлялся, а когда понимал, что это ни к чему не приведет и сопротивление лишь усугубит и без того бедственное положение Церкви, делал все так, чтобы акции властей проходили как можно безболезненнее для Церкви. Митрополит Гурий активно защищал Церковь и в средствах массовой информации.

19 сентября 1960 г. владыку Гурия переводят на Ленинградскую кафедру с титулом митрополита Ленинградского и Ладожского [40, с. 4]. Ленинградский уполномоченный Жаринов дал такую характеристику деятельности митрополита Гурия: «За время нахождения в Ленинграде с сентября 1960-го по ноябрь 1961 г. митрополит Гурий зарекомендовал себя отрицательно. Несмотря на внешнюю лояльность к мероприятиям органов власти в отношении Церкви, в практической деятельности он уклонялся от выполнения, а в отдельных случаях, стремясь показать свою непричастность к некоторым ограничениям деятельности духовенства, ссылаясь на уполномоченного. Митрополит Гурий всячески стремился удерживать на приходах реакционно настроенных священников. <...> Поощрительно Гурий относился и к распространению среди верующих культа известной в Ленинграде “Ксении блаженной”, часовня в честь которой находится на Смоленском кладбище г. Ленинграда. Беря под защиту эту часовню, он оправдывал обманные действия духовенства, пропагандирующего веру в “чудеса” и “исцелительную” силу молитв “Ксении блаженной”. Митрополит Гурий весьма болезненно относился к вопросам о закрытии даже таких церквей, в которых из-за плохих материальных условий отсутствует духовенство» [41, л. 85].

14 ноября 1961 г. владыка Гурий, согласно его прошению, был переведен на Крымскую кафедру с титулом митрополита Симферопольского и Крымского [42, с. 3]. 16 марта 1961 г. было принято постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое стимулировало действия против Церкви на местах. По Крыму одна за другой прокатывались антирелигиозные волны. Многочисленные авторы газетных статей и радиопередач наперебой доказывали своим читателям и слушателям, что от религии – один вред. В областном и городском музеях полуострова были организованы передвижные научно-атеистические выставки. В условиях гонений многим верующим пришлось уйти во внутреннюю эмиграцию, в душевное подполье. Но искренние молитвы, идущие из тесноты сердца, ни на день не прекращались на полуострове. Г. Северин вспоминал: «Стойкость владыки и непоколебимость его веры поражали государственных чиновников. Митрополит Гурий... до последнего защищал священников и храмы. Он полагал все свои силы на то, чтобы не дать властям закрыть храм или преследовать какого-либо священника» [43, с. 274].

12 июля (29 июня) 1965 г., в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, владыка Гурий скончался [44, с. 149]. Его могила находится рядом с могилой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Таким образом, изучение церковно-государственных отношений в СССР показывает продуктивность персональной истории для решения проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация [45]. Известный британский историк Теодор Зелдин так описывал перипетии своего исследовательского поиска: «Я не стремился найти единый ключ к объяснению человека. Вместо этого я перешел от пуантилизма к изучению индивида одновременно с разных сторон, как будто рисовал не только видимую часть лица, но и затылок, располагая их так, чтобы видеть все сразу. <...> Я старался представить жизнь во всем ее богатстве и противоречивости... Для себя я решил эту проблему, поставив индивида в центр своей книги. Я посмотрел на мир его глазами, вместо того чтобы смотреть в обратном направлении и изучать множество не связанных между собой факторов. Я старался больше, чем это обычно делают историки, использовать психологию... как доступ к потаенным сторонам человеческой личности» [46, с. 124].

В данном ключе персональные тексты обнаруживают трезвость мысли и реализм, четкую оценку той обстановки церковно-государственных отношений в стране, в которой жил и действовал Гурий Егоров. Его закаляла сама жизнь, подготавливая к нелегкому архипастырскому служению, последние шесть лет которого пришлось на «хрущевские гонения». Проявляя свою терпимость к богоборческой власти, митрополит Гурий следовал древней христианской парадигме, согласно которой необходимо с уважением относиться к любой государственной власти. Сотканная из общего и особенного, уникального и типичного, персональная биография митрополита помогает глубже погрузиться в психологию противоречивой эпохи во взаимоотношениях Советского государства и Русской православной церкви.

Ссылки:

1. Заева Н.И. Государственная политика в отношении Русской православной церкви (1917–1923). Славянск-на-Кубани, 2008. 151 с.
2. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания : пособие для вузов. М., 2004. 288 с.
3. ГАРК (Гос. арх. Респ. Крым). Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 182. Л. 47.
4. Там же.
5. Памятная книжка Императорской Петроградской духовной академии на 1915/16 учебный год. Петроград, 1915. 235 с.
6. Макарий (Веретенников), архим. Предисловие. Первый наместник возрожденной Лавры // Гурий (Егоров), митр. Патриарх Сергей как богослов. М., 2001. № 1 (27). С. 116–148.
7. ГАРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 182. Л. 47.

8. Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов 1917–1941 гг. : сб. док. / сост. Н.Ю. Черепенина, М.В. Шкаровский. СПб., 2000. 268 с.
9. Введенский А.И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг.). М., 1923. 254 с.
10. Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977. 630 с.
11. Там же. С. 281.
12. Дневник архимандрита Гурия (Егорова), писанный им в заключении в 1922–1923 гг. // Личный архив протоиерея Георгия Северина. Рукопись. С. 213–265.
13. Иоанн (Вендланд), митр. Митрополит Гурий (Егоров) // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1998. № 179 (V–VI). С. 182–253.
14. Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб., 2003. 269 с.
15. Иоанн (Вендланд), митр. Митрополит Гурий (Егоров). С. 204.
16. Макарий (Веретенников), архим. Указ. соч. С. 119.
17. Заславский В.Б. Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 183–245.
18. Дело протоиерея Брицкого Г.Я. // АТУЕУ (Арх. Ташкент. и Узбекист. епарх. упр.). Ф. 1. Оп. 1. Л. 56.
19. Голубцов С., протодиак. Троице-Сергиева лавра за последние сто лет. М., 1998. 223 с.
20. Иоанн Вендланд, митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. Ярославль, 1999. 190 с.
21. Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1948 год // АТУЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Л. 14–15, 25.
22. Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1949 год // Там же. Л. 7–8.
23. Журнал Московской патриархии (ЖМП). 1952. № 3.
24. ЖМП. 1953. № 3.
25. Гомолицкий Н.П. Воспоминания о владыке Гурии (Егорове). Ташкент. 13 марта 2006 г. На правах рукописи. С. 276–278.
26. Архив Санкт-Петербургского епархиального управления. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 65.
27. ЖМП. 1954. № 8.
28. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 12–14.
29. ЖМП. 1955. № 11.
30. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 20–24 об.
31. ЖМП. 1959. № 6.
32. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. 400 с.
33. Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995. 216 с.
34. НАРБ (Нац. арх. Респ. Беларусь). Ф. 951. Оп. 3. Д. 26. Л. 244.
35. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 29. Л. 152.
36. Там же. Л. 153.
37. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 30. Л. 49.
38. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 33. Л. 181.
39. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 29. Л. 234.
40. ЖМП. 1960. № 10.
41. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 80. Л. 85.
42. ЖМП. 1961. № 12.
43. Северин Г., прот. Воспоминания о митрополите Гурии (Егорове). Симферополь. 23 декабря 2005 г. На правах рукописи.
44. Иоанн Вендланд, митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). С. 149.
45. Davis N.Z. Women on the margins. Three seventeenth-century lives. Cambridge (Mass.) ; L., 1995. 220 p. ; Le Goff J. Saint Louis. P., 1995. 128 p. ; Lloyd C. The structures of history. Oxford, 1993. 400 p.
46. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // Альманах THESIS. 1993. Т. I, вып. 1. С. 123–142.